

Аверинцев С. На вершине горы - крест

Предисловие к латышскому изданию книги протоиерея А. Меня "Истоки религии"

На русском языке впервые опубликовано в альманахе Христианос IX, 2000.

На латышском языке это предисловие было опубликовано в книге: Aleksandrs Mens "Religijas pirmsakumi". изданной Фондом им. А. Меня в Риге в 2000 году.

Автор этой книги, священник Русской Православной Церкви отец Александр Мень (1935 - 1990) - один из самых ярких деятелей христианского сопротивления советскому атеистическому официозу. Его испытанная верность вере унаследована от матери, принявшей вместе со своим маленьким сыном крещение от преследуемого, скрывающегося священника в 1935-м году - в ту пору, когда исчезновение христианства в советском обществе включалось в государственные планы на равных основаниях с экономическими задачами. Когда в свои школьные, а затем студенческие годы он неуклонно пополнял своё религиозное самообразование. - за этим стоял такой подвиг верности, о котором в более благополучные времена очень трудно составить себе понятие. Он избрал служение Церкви и был рукоположен в сан диакона, а затем и священника, когда тотальная война против религии перешла в менее кровавую, но весьма разрушительную стадию хрущёвских гонений. И не только в гонениях, как таковых, было дело. Те участники религиозно-философских кружков, которые в позднесоветское время теряли работу, подвергались издевательствам КГБ и даже шли в тюрьму, ощущали хотя бы робкое сочувствие интеллигенции, хотя бы непоследовательные попытки помощи из-за рубежа; о них хоть кто-то знал, их уважали. Напротив, в сталинские и даже хрущёвские годы имело место единственное в своем роде психологическое давление: советское общество навязывало верующему роль преступника и вдобавок глупца, который по своей вредной и злонамеренной дикости всё ещё не узнал того, что обязан знать каждый грамотный человек.

Против верующего - все: не только КГБ, не только официоз, но и советское общество как таковое, включая либералов времён «оттепели». Атеизм пользовался статусом самоочевидной аксиомы. И вот в такое время образованный и живой, в лучшем смысле этого слова, «нормальный» молодой человек не только становится священником; он начинает такое дело, которое всеми в условиях советского режима было признано за самое невозможное, дело миссионерства. Вспомним, что это значило тогда. Из всех религий христианство меньше всего может быть сведено к «отправлению культа» - но именно так поступали с ним на официальнойшем уровне законодательных и конституционных формулировок, не говоря уже о каждодневной практике. А ведь не даром самая святая часть канона Нового Завета называется Евангелием, то есть «Благой Вестью»; в самом центре христианской веры - весть, которую надо принять и передать дальше. На каждого христианина и, тем более, на каждого священника долг апостолата и миссионерства возложен словами Христа: «Идите, научите все народы» (Мф 28:19). Но на языке того времени это называлось «религиозной пропагандой» и открыто приравнивалось к наказуемым преступлениям. Даже искренно верующие, даже готовые к личному подвигу люди привыкали к мысли, что невозможное - невозможно. И когда среди недоброго, враждебного молчания зазвучал одинокий голос в защиту веры, апостольский, миссионерский голос, обращённый прямо к современнику, - трудно представить себе сегодня, как это было важно в те годы.

Подчеркнём еще раз, что голос с самого начала обращался по точному и конкретному адресу - именно к современнику. Распространённое искушение - вывести Церковь из

движения истории, подальше от людей, каковы они есть. Но Христос основал Свою Церковь для спасения несовершенных, грешных людей: мытарей, блудниц, разбойников, - и даже, что особенно трудно, книжников.

...И даже книжников. Пасторская, миссионерская деятельность о. Александра распространялась отнюдь не на одних интеллигентов, но всё-таки для интеллигенции он сделал особенно много. Не буду перечислять знаменитых людей, которым он помог прийти к вере. В Церкви нет привилегированных мест, - а если есть, они принадлежат самым убогим. Интеллигент - не лучше никого другого, может быть, - хуже всех; но он наряду со всеми нуждается в спасении своей бессмертной души, а для того, чтобы ему помочь, его необходимо понять именно в качестве интеллигента. В противном случае его духовный руководитель рискует либо оттолкнуть его, либо заронить в нём мечтательность, побуждающую его вообразить себя совсем не интеллигентом, а чем-то совсем иным, высшим. Человек может начать свой возврат к Богу только от той точки в духовном пространстве, где находится реально, а не в воображении. Не для того, чтобы угождать интеллигенции, но для того, чтобы ей помочь, нужен пастырь, который понимал бы изнутри интеллигентское бытие со всеми его проблемами, искушениями и возможностями. В этом была важная часть жизненного дела отца Александра. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести. Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор 9:19, 22).

Таков был его путь. И он завершился мученическим концом. 9 сентября 1990 года, за день до празднования по русскому православному календарю Усекновения главы Иоанна Предтечи, топор убийцы рассёк его голову - голову священника на пути в храм. Как говорил однажды он сам: «Мы поднимаемся на гору, и на пути у нас столько ошибок, столько открытий! Но на самой вершине горы - крест». То обстоятельство, что убийца так и не найден, и причины остались нераскрытыми, будучи само по себе печальным, и наводя на неприятные мысли, одновременно заставляет ещё сильнее чувствовать символический аспект такого конца. «На самой вершине горы - крест».

***

Несколько слов об этой книге. Область религиозной культуры - по природе своей пограничная, она не исчерпывается до конца ни школьно-богословским, ни историко-культурным подходом. Религиозная вера как таковая и культура как таковая - вещи различные, но они выступают всегда в единстве и лишь в единстве их можно адекватно увидеть. Религиозная культура вырастает из веры и без веры распадается, как тело, из которого ушла жизнь; но и вера без религиозной культуры остаётся, так сказать, невоплощённой. Даже самые бесспорные явления общей истории культуры, например, памятники религиозного искусства, скажем, готический собор, икона Андрея Рублёва или грегорианская мелодия, по существу, закрыты для нас, если у нас нет достаточного понимания вдохновившей их веры; с другой стороны, разрабатываемая теологами и развиваемая на части религиоведами конкретная «плоть» веры - система понятий, употребляемых в доктринальных формулах, норма религиозного поведения, включающая эстетику ритуала наряду с этикой действия, - составлена из компонентов культурного обихода, отчасти созданных заново в русле данной религии, отчасти же (при условии совместимости) унаследованных от предыдущих эпох. Христианская культура движется к своему третьему тысячелетию, но её предыстория уходит в глубину времён несравнимо дальше.

Тонкие связи и отталкивания между христианской и дохристианской духовностью - предмет, вызывающий самый живой интерес. А что читать? Как правило, историки культуры либо слишком мало говорят об этом, либо говорят так, что это не может удовлетворить. «Даже в работах, написанных во вполне пристойном тоне, редка та чуткость к собственно духовной глубине материала, без которой историк, какова бы ни была его собственная позиция по отношению к религии, просто не сумеет объяснить ни читателю, ни себе самому самое существо дела.

Но вот перед нами обращённый к широкой публике труд, который отвечает на запросы, до сих пор не удовлетворенные. С одной стороны, он написан с самым серьёзным вниманием к внутренней, смысловой стороне тысячелетних поисков Бога; у такого автора, как отец Александр Мень, это и не могло быть иначе. Как само собой разумеется между людьми честными и прямодушными, его взгляды определены его убеждениями. И всё-таки читатель неверующий или колеблющийся заблуждается, если предполагает, что сейчас его крепко схватят за руку и станут «обращать». Ибо, с другой стороны, автор - человек современной культуры в её наиболее достойном варианте, и это сказывается не только на его знаниях, но прежде всего на его интеллигентной позиции по отношению к читателю.

А теперь, пожелав каждому найти здесь то, что именно ему нужно, напомним, что всё это написано задолго до того, как появилась какая-либо возможность издать написанное на родине автора. Вспомним, что о. Александр Мень вышел на свою работу один во времена, не похожие на нынешние. Его книги выходили за границей, - реакция КГБ была ясна заранее, и она не заставила себя ждать; и всё было нарушением табу - и вывоз рукописи, и затем провоз изданных книг в пространство СССР. Вспомним всё это и поблагодарим автора: верующие - за то, что он защищал веру; и все - за то, что он защищал свободу духа.

Вена, июль 2000